

Памяти

Ю. А. Завадского

Потеря так остра, что трудно сейчас найти слова для того, чтобы передать чувства учеников, соратников, всех, близко знавших Юрия Александровича...

Продолжатель дела К. С. Станиславского, режиссер и мыслитель, педагог и общественный деятель, Завадский реально перекидывал мост от великих традиций к живой современности. Неисчерпаемая эрудиция, высокая духовность сочетались в нем с острым ощущением нового, с активной жаждой помочь этому новому раскрыться и заявить о себе.

Так строил он свои отношения с советскими писателями, «сворачивая» их сценой, увлекая в мир театра. Драматурги находили в нем не просто сценического толкователя, но уверенного мастера-союзника, влюбленного в жизнь и знающего о ней многое сверх обозначенного в пьесе.

Так ценил он и все молодое в многообразном мире театра. Талантливый актер, своеобразный режиссер, художник сцены, композитор находили у мастера не просто поддержку, а соучастие.

Деятельно нес Юрий Александрович идеи и образы театра в жизнь, не довольствуясь простыми связями с «публикой». Именно он одним из первых осуществил настоящее шефство-содружество с коллективами «Шарикоподшипника», «Трехгорки», другими рабочими коллективами страны. И он же нес идеалы советского театра за рубежи страны — в гострольных поездках, в своей деятельности в Советском комитете защиты мира.

Это масштаб Завадского в нашей культуре, это его след в ней. А был еще и поразительной духовной красоты человек, которого знали самые близкие — театральные его единомышленники. Интеллигентность и высота помыслов, гармоничность этического и художественного мира тянули к нему неотразимо. Даже в том, как толпились актеры, чтобы последний штрих грима на их лица положил Юрий Александрович (ведь он известен и как острохарактерный художник), был своего рода ритуал: на сцену тебя как бы провожал мастер, и верилось в успех. Враг всего вульгарного и ценитель яркой формы, гипербола, бессребреник и поклонник всего прекрасного...

А роль его в нашей культуре исчерпывающе очерчена в некрологе, подписанном руководителями партии и правителями культуры: «В актерском и режиссерском творчестве Ю. А. Завадский утверждал принципы искусства социалистического реализма, стремился к глубокому идейно-художественному раскрытию явлений современной действительности. Его работы были насыщены гражданским пафосом, проникнуты острым ощущением времени, отличались поэтичностью и яркостью формы».

Вера МАРЕЦКАЯ,
народная артистка СССР

Скончался Юрий Александрович Завадский, один из славнейших и талантливейших строителей нашей театральной культуры. Оставил он множество побед на сцене Театра имени Моссовета, начиная со «Шторма» и лермонтовского «Маскарада» вплоть до сравнительно недавних «Петербургских сновидений» — смелой инсценировки Достоевского.

Но не мне напоминать эти всем знакомые взлеты в жизни близкого человека. Я вспоминаю о том, как в старом здании Московского университета шестьдесят два года назад, в 1915 году, встретились два студента-юриста, разговорились и признались друг другу в страсти к театру. И тогда пишущий эти строки рассказывал Завадскому о студии в Мансуровском переулке, которой руководил Евгений Багратионович Вахтангов. В скором времени Юрий Александрович был принят в студию.

Так началась наша дружба, духовная близость единомышленников, мечтающих о театре романтическом. Таким было начало.

Юрий Александрович вскоре сыграл святого Антония в метерлинковской пьесе «Чудо святого Антония». Высокий, худой, с горящими глазами, он перебирал складки подрябника, сшитого из грубой рогожи. Сознание своей способности воскрешать мертвых придавало его голосу власть. Когда хорошо поставленным грудным голосом он произносил: «Мадмуазель Ортанс, встань!» и хилая старушка, моргая слепенькими глазками, действительно приподнималась и садилась в гробу, — дрожь пронизывала зрителей и исполнителей одинаково.

В 1921 году состоялось открытие Театра Вахтангова. Была поставлена «Принцесса Турандот». Юрий Завадский играл принца Калафа — главную мужскую роль в пьесе. Общеизвестна блистательность этого спектакля, последней работы Вахтангова. Все это много раз описано. Но героический и иронический пафос Завадского остается живым в исполнении этой роли другими, молодыми.

В скором времени Завадский был принят Станиславским в МХАТ. Он играл графа Альмавиву в «Женитьбе Фигаро», Чацкого в «Горе от ума». Это были для него еще и пробы характера, предвзрительные наметки будущего пути. Ибо и тогда уже мечтал он о своем театре, о режиссуре, о том, чтобы стать полновластным хозяином на сцене, руководителем коллектива верящих ему единомышленников.

Роль режиссера, воспитателя, руководителя больше всего подходила этому высокоодаренному молодому человеку.

Так пошло и пошло. Многого здесь недосказано, многое пропущено: но жизнь Завадского в искусстве хорошо известна.

Пишущий эти строки не знает, не может и не хочет знать, как проживет он остаток своих лет без Юрия Завадского.

Павел АНТОКОЛЬСКИЙ